

УДК 821.111.0

РОЛЬ МИФОЛОГИЧЕСКИХ СЮЖЕТОВ В РОБИНЗОНАДАХ У. ГОЛДИНГА

© 2010 Ю.А. Шанина

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы

Поступила в редакцию 11 декабря 2009 года

Аннотация: Статья посвящена одному из аспектов поэтики неомифологизма: введение мифологических мотивов в сюжет литературного произведения. Предметом исследования явились робинзоны Уильяма Голдинга «Повелитель мух» и «Хапуга Мартин». В статье подробно рассматривается мифологическая основа каждого из сюжетов и соотносится с проблематикой произведения. В результате сопоставительного анализа двух романов делается вывод о принципах создания мифологического подтекста и его роли в художественной структуре произведений.

Ключевые слова: миф, неомифологизм, робинзоны, архетипическая схема.

Abstract: This article is dedicated to the one problem of mythopoeetry: ways of introduction the mythological motives in the plot of a novel. The subject of research is William Golding's fables "The Lord of the Flies" and "Martin Pincher". The author of the article analyses mythological implication of plots in detail and connects them with interpretation of novels themes. The conclusion of the research concern the principles of making clear mythological implication and it's role in the structure of the novels.

Key words: myth, neomythologism, Robinsonade, archetypical scheme.

Современные исследователи рассматривают неомифологизм как одну из главных черт литературы XX века. Существуют разнообразные формы взаимовлияния мифа и литературы. В данной статье мы затронем только один из аспектов мифологической поэтики: это «введение отдельных мифологических мотивов в ткань реалистического повествования, обогащение конкретно-исторических образов универсальными смыслами и категориями» [1]. Задачей исследования является выяснение принципов вхождения мифологических сюжетных мотивов в художественную структуру романов Уильяма Голдинга «Повелитель мух» и «Хапуга Мартин», а также определение значения мифов в творчестве английского прозаика. Выбор предмета

исследования был обусловлен общим жанровым признаком: продолжение традиций робинзоны. Голдинг в своем творчестве обращается к этому жанру дважды. Причиной становится резонанс, который получает в критике первый роман писателя «Повелитель мух». «Голдинг рассматривал книгу как «ответ от имени ординарного человечества», написанный «так живо и так точно и с такой определенной программой, что никто не сможет ошибиться в том, что я имел в виду» [2]. Романы изначально связаны единством авторского замысла: в притче «Хапуга Мартин» получают дальнейшее развитие те проблемы, которые были поставлены в «Повелителе мух».

В зарубежном литературоведении (в работах С. Хайнса, Л. Ходсона, В. Тайгер, В.В. Суббарао, С. Бойда, Н. Диккен-Фаллер), отдельных исследованиях отечественных ученых (Г.А. Анджапа-

ридзе, В.А. Скороденко) накоплен достаточно большой материал по выбранной проблематике. Но часто проведение параллели с архетипическими схемами носит эклектичный характер. Каждая новая работа английских и американских исследователей раскрывает все новые и новые связи притч Голдинга с известными литературными сюжетами и мифами разных народов. При этом сам автор неоднократно в своих интервью отрицал знание того или иного источника и опровергал выводы критиков.

На наш взгляд, подобное противоречие порождено разным пониманием самой природы мифологического в литературе, его узким и широким толкованием. Широкий подход позволяет увидеть элементы мифологизма в любом произведении. Именно в этом случае содержание произведений Голдинга начинает восприниматься как нечто универсальное. Более целесообразным представляется принцип строгого следования тем параллелям, на которые есть указания в самом тексте романа или в комментариях автора. С этих позиций объектом изучения являются только те явления, которые можно связать с мифологизмом эстетическим, под которым подразумеваются «сознательные попытки имитировать мифогенное сознание средствами немифологического мышления» [3]. Иначе говоря, предметом анализа становятся лишь те мифологические мотивы, которые намеренно введены писателем в структуру сюжета и являются объектом авторского философского размышления.

В то же время возникновение все новых и новых интерпретаций притч Уильяма Голдинга обусловлено и особенностями сюжетостроения его произведений. Их нельзя назвать мифоцентрическими, поскольку какой-то один миф не пронизывает всю структуру романа, а представлен несколькими сюжетными мотивами, которые вытекают из подтекста благодаря аллюзии и реминисценции. Поэтому для определения своеобразия прозы писателя Н.С. Гребенниковой был предложен термин «мифологическая аллюзивность» [4].

Отнесение к тому или иному мифу достигается разными способами. Оно может возникать благодаря названиям глав или всего романа. «Повелитель мух» — одно из имен дьявола, а название глав, их ритмическое повторение напоминает стиль Апокалипсиса. В библейском пророчестве дьявол в образах зверя нисходит к людям с неба («И другое знамение явилось на небе: вот большой красный дракон с семью головами и десятью рогами, на головах его семь диадем» Откр. 12:3), затем возникает из воды («И стал я на песке морском и увидел выходящего из моря зверя с семью головами и десятью рогами». (Откр. 13:1)), в конце

концов является из земной бездны («И увидел я другого зверя, выходящего из земли; он имел два рога, подобные агнчим, и говорил как дракон» Откр. 13:11). В романе же Голдинга зверь впервые чудится одному из малышей среди тьмы леса, в пятой главе «зверь выходит из вод», а в шестой — «зверь сходит с неба» [5].

Также провести параллель между романами и мифами позволяют и имена героев: имя Мартин Кристофер заставляет обратиться к истории о святом Христофоре, Натаниэль — к библейскому герою Нафанаилу.

Ассоциации с мифологическими сюжетами могут быть вызваны отдельными сравнениями, самой системой образов. В первом романе дети спасаются после ядерной катастрофы, и в начале высказывается идея о возможной гибели всего мира, что вводит мотивы мифа о всемирном потопе. Согласно библейскому мифу Ной был выбран богом как человек праведный. Лучшая часть человечества, дети, оказывается спасенной и в романе Голдинга. Кроме того, на острове Повелителя мух действительно оказывается «каждой твари по паре» в том смысле, что персонажи романа в своей совокупности представляют духовный опыт западноевропейского общества XX века. В притче «Хапуга Мартин» также содержится намек на миф о Ное: Мартин сравнивается с Атлантом, правителем погибшей Атлантиды; проливной дождь, затопляющий его остров в финале, с потопом; скала напоминает зуб «в вековечной челюсти затонувшего мира, торчащий среди непостижимой шири огромного океана» [6].

Мифологический подтекст создается и особенностями пространственно-временной организации притч. Острова в рассматриваемых робинзонадах представляются героям в виде корабля. Так, в «Повелителе мух» мальчики, взобравшись на гору, замечают, что «остров имел неровные очертания лодки. ...На мгновение им показалось, что корабль плывет кормой вперед». В романе «Хапуга Мартин» главный герой также принимает свой остров за корабль: «Корабль! Слева от яркого пятна в тумане виднелся корабль!.. И в этой солнечно-туманной дымке неясно вырисовывались темные очертания этого некорабля, там, где ничего, кроме корабля, не могло быть». Образ острова-корабля выдвигает на первый план мотив пути, испытаний и обретения дома, что связывает содержание романов с мифом об Одиссее. В то же время скала, которая стала спасением для Мартина, может быть воспринята и как гора Чистилища. В конце романа обнаруживается, что все произошедшее с героем лишь плод его фантазии. Оказывается, что у героя «не было времени даже снять сапоги», он умер на второй странице романа и на риф выбросило уже труп утонувшего

морьяка, а значит, все события разворачиваются уже после его смерти, в некоем потустороннем мире. В описании Данте Чистилище предстает в виде окруженной океаном горы, вершины которой должна достигнуть человеческая душа. Скала, на которой пытается выжить Кристофер, несомненно соответствует этим средневековым представлениям, при этом мучительный подъем героя по обрывистому склону может быть истолкован как преодоление ступеней Чистилища.

Что касается временных границ, то пребывание Криса на острове охватывает шесть дней. Герой не может принять смерть, которая отрицает его существование, и начинает творить мир заново, подобно богу в библейском сказании о творении мира. Усилия Мартина направлены на преодоление хаоса: сначала из хаоса воды и тьмы окружающего мира Кристофер воссоздает привычный для него мир тверди, моря, неба; а затем из тьмы своего подсознательного, путаницы видений и воспоминаний пытается найти «координаты» своей личности, на шестой день он решает создать бога.

В романах присутствуют и сюжетные мотивы, непосредственно заимствованные из мифов. Многие эпизоды «Повелителя мух», связанные с образом Саймона, могут быть соотнесены с конкретными сценами из Евангелия. Пребывание Саймона на опушке леса, его беседа с Повелителем мух напоминает страдания в Гефсиманском саду (Марк 14:32, Матфей 26:36), предсказание Ральфу его судьбы – пророчества Христа (Лука 22:54:61, Матфей 26:21), помощь малышам в сборе фруктов – одно из чудес Христа, когда он накормил тысячи людей несколькими хлебами (Иоанн 6:5-14), Саймон неоднократно становится объектом насмешек детей, что напоминает сцену осмеяния Христа перед распятием (Марк 15:16-20). Сюжет романа «Хапуга Мартин» соответствует мифу о Прометее [7]. Причиной наказания героев становится кража: античный титан ворует олимпийский огонь, а для Мартина кража – основной принцип существования. Мартин, как Прометей, прикован к скале, испытывает нечеловеческие страдания, оба героя оказываются на скале благодаря божественному вмешательству (Мартин чувствует, что им управляют, как стеклянной фигуркой в банке из-под варенья) и противостоят силам всего мира (пребывание на острове для Кристофера – это постоянный спор с силами вселенной). Удар молнии низвергает Прометея в подземное царство, и «черная молния» приближает окончательную смерть Мартина.

Сюжеты притч можно рассматривать и как воспроизведение ритуалов, связанных с определенными мифологическими представлениями. История пребывания Ральфа на острове рас-

сматривается исследователями как ритуал инициации. Сцена гибели Саймона – воссоздание древнего обряда, посвященного богу Дионису: преследование, убийство и поедание зверя, так называемого козла отпущения.

Как видно из вышесказанного, в силу своей аллюзивности содержание романов может быть сопоставлено с целым рядом мифологических сюжетов. Это ведет к поиску некой архетипичной модели, объединяющей эти мифы и воплощающей философскую концепцию мифа. Например, Мартин сравнивает себя с целым рядом античных героев-титанов: Аяксом, Прометеем, Атлантом, Актеоном. *«В сочетании с неистовым запахом мускуса, с маленькими запретными грудями и поистине неприступным целомудрием они были смертным приговором для Актеона».* *«Я Атлант. Я Прометей».* *Он (Мартин) показался себе призрачным гигантом. Челюсти сжались, подбородок прижался к груди. Он стал героем, для которого достижимо невозможное».* *«Вспышка за вспышкой, летят залпы неверного белого света – это стрелы летят в Прометея, ослепленного белым-пребелым, изможденного, цель небес – человек на скале...»* *«Он и его рот кричали сквозь бурю: “Аякс! Прометей!”»* Сопоставление истории Мартина с известными мифами возникает и благодаря наличию общих сюжетных мотивов. Но это отнюдь не свидетельствует об универсальности сюжета притчи. Финал каждого из упомянутых мифов связан с наказанием героя, которое ожидает его за восстание против воли богов: Прометей решает спасти человеческий род вопреки желанию Зевса; Аякс оскорбляет Афины, обесчестив у ее алтаря Кассандру; Атлант участвует в борьбе титанов против богов, Актеон пренебрегает целомудренными чувствами богини Артемиды. Автору необходимо было поставить эти истории в один ряд, чтобы подчеркнуть античное представление о миропорядке. Согласно мировоззренческой концепции древнегреческой мифологии подобный бунт всегда бесперспективен и влечет за собой справедливое возмездие. Древние греки были убеждены, что индивидуум не вправе противопоставлять свою волю мировому порядку течения жизни космоса. Поэтому в «Хапуге Мартине» главной причиной «страшной болезни» человечества является индивидуализм, возведенный в культ. Безграничная вера в возможности человеческого разума привела к опрокидыванию всяких авторитетов, породила потребительское отношение к людям и окружающему миру, сделала невозможным человеческое общежитие. Поэтому в переходную эпоху XX в. необходимо заново определить место и значение человеческого бытия в мироздании.

Но функция мифа в романах Голдинга заключается не только в расширении пробле-

матики, создании в романе определенного подтекста, одного из уровней прочтения и толкования, раскрытии авторской позиции. Писатель стремится сделать миф предметом интеллектуального размышления.

Прежде всего, каждый из романов можно свести к нескольким мифологическим сюжетам. В силу общности жанра в основе робинзонад одинаковые архетипические схемы, которые восходят к мифам об Одиссее, всемирном потопе, Апокалипсисе. При этом Голдинг не отдает предпочтения какой-то одной мифологической системе, а свободно совмещает разные культурные традиции. Неслучайно одна и та же ситуация в притчах писателя вызывает ассоциации и с библейскими, и с языческими мифами. Так, убийство Саймона – несомненное торжество инстинкта и дикости – одновременно является и принесением в жертву козла отпущения, и казнью нового Христа, который может принести освобождение людям. История Мартина – это и страдания Прометея, и муки человеческой души в чистилище. Эта особенность создает в романах ситуацию диалога культур, порождает стремление к обобщению всего духовного опыта. С точки зрения Голдинга, человечество на протяжении истории пытается разрешить одни и те же вопросы, и каждая из мифологических систем предлагает личности свою мораль, свое решение извечных проблем, но не может быть исчерпывающей. Сложность проблем, стоящих перед человеком в XX столетии, острый трагизм его положения в мире заставляют обратиться к опыту разных эпох. Этот огромный духовный потенциал, накопленный человечеством на протяжении многих веков, дает автору надежду на то, что человек сможет вновь обрести свое место в мире.

Во-вторых, английский писатель не воспроизводит готовые схемы, а переосмысливает всем известные сюжеты. Ареной разворачивающихся в произведениях конфликтов становится внутренний мир отдельной личности. В романе «Повелитель мух» все происходящее на острове может быть истолковано как проекция духовных поисков современного человека, поскольку главным предметом познания героев становится «тьма человеческой души». В «Хапуге Мартине» и творение мира, и борьба Прометея с богом оказываются плодом воображения Кристофера, события мифа разыгрываются в пределах сознания одного героя. Таким образом, все поставленные в романах проблемы рассматриваются автором только через призму существования отдельного человека.

В то же время ни одна архетипическая сюжетная схема не может в полной мере реализоваться в условиях XX века: все рассмотренные нами ми-

фологические сюжеты имеют новые финалы в романах Голдинга. Современные Одиссеи оказались бессильны перед лицом хаоса и тьмы, в отличие от своего античного прототипа они лишены четких нравственных принципов и духовных идеалов, которые бы дали силы к противостоянию. В романе «Повелитель мух» путешествие современной цивилизации к нравственному идеалу должно продолжиться: мальчики отправляются в неизвестное на военном корабле. Финал же «Хапуги Мартина» более однозначен: «За дрейфтером, словно горящий корабль, опускалось солнце, не оставляя после себя ничего, лишь похожие на дым облака». Если Откровение Иоанна Богослова завершается установлением Царства Бога во всем мире («И ночи не будет там, и не будут иметь нужды ни в светильнике, ни в свете солнечном, ибо Господь Бог освещает их» (Откр. 22:5)), то у Голдинга побеждает тьма. Она торжествует и во внешнем мире, и в душе человека. Так, «сияющие» глаза детей в начале романа «Повелитель мух» сменяются «темным взглядом Джека». И в финале: «Огонь достиг кокосовых пальм на берегу и шумно проглотил их. Пламя, как будто отделившись, повернулось, как акробат, и слизнуло пальмовые верхушки на платформе. Небо было черным». Так и Страшный суд над Мартином завершается господством темного центра: «Полосы крошечной тьмы склонились к скале, и она оказалась ненастоящей, как и нарисованная вода. Она распалась на куски, и теперь подле клешней лежал всего-навсего бумажный остров, а его окружало со всех сторон то самое, что центр назвал словом «ничто». Кристофер Хэдли Мартин, современный Прометей, не одерживает победы духа, он теряет чувство реальности, и мир, сотворенный его рассудком, поглощается тьмой и хаосом, а душа из чистилища возвращается в ад. Новый финал получает и евангельский сюжет. Саймон в отличие от Христа не дает людям «механизма спасения», и современный Христос не может воскреснуть. Вознесение Христа на небесах у Голдинга сменяется «настойчиво материальным» описанием: «душа Саймона покидает его с последним отвратительным хлопком» [8]. Голдинг с горечью утверждает, что современное общество вновь привело бы несущего ему истину Спасителя на Голгофу. Поэтому автор отказывает Христу в бессмертии и в возможности донести хоть малую толику истины до людей.

Фактически Голдинг нарушает саму логику развертывания традиционного сюжета, которая была свойственна древней мифологии: от хаоса к порядку. В притчах Голдинга напротив: хаос постепенно торжествует. Так, в «Повелителе мух» объективное повествование сменяется потоком сознания, действие от светлой лагуны

полностью перемещается в джунгли, в финале свет дня затмевается дымом пожара, а в «Хапуге Мартине» вполне здравые размышления героя переходят в бред сумасшедшего, пространство полностью разрушается и превращается в небытие. Тем самым автор констатирует тупиковость развития современной культуры и цивилизации, которая не дает ответа на главные вопросы: «что делать, на кого надеяться, во что верить» [9]. Полемиическая заостренность по отношению к архетипичным сюжетным схемам должна породить в читателе напряженный нравственный поиск, заставить задуматься над перспективами развития современной истории.

Наконец, помимо мифологических аллюзий в притчах Голдинга присутствуют и литературные реминисценции. Следуя традиции античной литературы, Голдинг отказывается от создания оригинального сюжета. В одном из своих эссе он следующим образом обобщает принципы развития литературы в эпоху античности: «Истории существовали как подобие идей Платона, с которых каждый человек делал копию, которую представлял лучшей» [10]. Можно сказать, что в роли подобных идей выступают в романах Голдинга и различные мифологемы. Но писатель представляет не только новую, собственную копию этой идеи, которая соответствует современности, но и заставляет сравнить ее с другими копиями, иначе говоря, другими литературными произведениями, в основе которых лежат те же сюжетные схемы. В основе сюжетов рассматриваемых притч Голдинга – переосмысление достаточно известных литературных произведений. Роман «Повелитель мух» был первоначально задуман как пародия на произведение Р.М. Баллантайна «Коралловый остров» (1858). «Хапуга Мартин» своим дотошным описанием «трудов и дней» главного героя на острове напоминает роман Д. Дефо «Робинзон Крузо» (1719). Как и герой Дефо, Мартин пытается противостоять смерти и одичанию благодаря своему труду и силе разума. В результате в своих романах Голдинг сопоставляет мифологические сюжеты с литературной традицией. Смысл этого сопоставления в представлении разных точек зрения и в поиске истины.

Каждый из выбранных Голдингом для переосмысления романов воплощает определенную философию жизни, своего рода социальные мифы отдельных эпох. Так, по мнению Ф. Кермода, ««Коралловый остров» может рассматриваться как документ в истории идей: он неразрывно принадлежит периоду, когда окончание школ Арнольда удостоверяло освобождение мальчиков от первородного греха» [11]. Поэтому «переворачивая» сюжет Баллантайна, Голдинг выступает против «либерального оптимизма

викторианской эпохи» [12], ставит под сомнение мифы о неизбежном историческом прогрессе, могуществе человеческого разума, о непоколебимой нравственности, лежащей в основе английской цивилизации.

Что касается романа Д. Дефо, то в нем, с одной стороны, отразились просветительские идеалы, а с другой – образ Робинзона воплощает «героизацию буржуазной эпохи, апологию индивидуализма и предприимчивости» [13]. И эта «этики предпринимателя и собственника индивидуалиста», которая «начинается с сохранения себя самого» [14], получает в романе новую оценку. Для Голдинга Робинзон перестает быть воплощением силы человеческого духа, а становится скорее антигероем. В романе «Хапуга Мартин» взаимосоотнесение мифа и литературы заставляет переосмыслить просветительские идеи о том, что разум, воля и труд противостоят дикости и варварству. Эти основы цивилизации, с точки зрения рационализма эпохи Просвещения, далеко не являются тождественными нравственности и не спасают Криса от наступающей тьмы.

Таким образом, миф становится одним из способов опровержения многих общественных стереотипов, которые нашли образное воплощение в литературе, позволяет раскрыть несостоятельность многих традиционных идеалов европейской цивилизации. Сам У. Голдинг в своем интервью Джеймсу Китингу (10 мая 1962 г.) дал следующую характеристику мифу: «Миф – это то, что берет свое начало где-то у самых истоков вещей и явлений, ключ к существованию, всеобщему смыслу жизни и опыт в целом» [15]. Для английского прозаика в мифе важна именно философская концепция бытия, жизни отдельного человека, истории всего человечества.

В итоге необходимо отметить, что Голдинг в своих романах обращается к таким мифологическим сюжетам, которые уже неоднократно использовались писателями разных эпох. Эти сюжеты являются культурно значимыми, затрагивают коренные вопросы человеческого бытия: в чем смысл человеческой истории и каково назначение человека (мифы о всемирном потопе, творения и Апокалипсиса); вопрос о путях спасения, преодоления хаоса и тьмы, об истинных духовных ценностях (миф об Одиссее, христианский миф о Спасителе); смысл человеческой жизни перед лицом смерти (миф о Чистилище); человек и его судьба, место человека в мироздании (миф о Прометее); какова истинная природа человека (миф о Дионисе). Современник истории фашизма, Хиросимы и Нагасаки уже не может с уверенностью смотреть на мир и в будущее, как это делал викторианец, «заарканывая явления с помощью латинских названий, составления

списков, маркировки и систематизации». «Мы ничего не знаем. Мы стоим, где стоял любой прямоходящий собиратель пищи, на краю своего подсознания, и предвкушаем, возможно, ужас и волнение перед отпечатком единственной ноги» [16]. С точки зрения Голдинга, ощущения человека перед лицом бренности своего существования и бескрайности вселенной мало изменились с древнейших времен. Поэтому обращение к мифологии, этой древнейшей философии, воплощенной в чувственных образах, может дать ключ к разрешению проклятых вопросов и человеку XX века. Так, мифологическое мировоззрение помогает обрести иную шкалу жизненных ценностей, понять истинное положение человека во вселенной. Оно опровергает идею господства человека в мире, его претензии на роль демиурга, но в то же время оно придает смысл каждой человеческой жизни, делая ее частью бесконечного природного бытия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Эпштейн М.Н. Мифологизм в литературе XX века / М.Н. Эпштейн // Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В.М. Коженикова, П.А. Николаева. – М., 1987. – С. 224.
2. Johnston Arnold. Miscasting of Pincher Martin / Arnold Johnston. // William Golding: some critical consideration. Ed. By Jack Biles and Robert O. Evans. – The University Press of Kentucky, 1978. – P. 103.
3. Лотман Ю.М. Миф – имя – культура / Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский // Избранные статьи. – Таллин, 1992. – Т. 1. – С. 69.
4. Гребенникова Н.С. Зарубежная литература. XX век: Учебное пособие по курсу «История зарубежной литературы XX века» / Н.С. Гребенникова. – М., 1999. – С. 68.
5. Здесь и далее цит. подстрочный перевод по: Golding W. Lord of the Flies. The Pyramid. Envoy Extraordinary. – М., 1982. – 496 с.
6. Здесь и далее цит. подстрочный перевод по: Golding W. Lord of flies. Pincher Martin. Rites of Passage. – Faber & Faber. London: Boston, 1984. – 517 p.
7. См.: Шанина Ю.А. Образ Прометея в романе У Голдинга «Хапуга Мартин»/Актуальные проблемы филологии. Материалы республиканской конференции молодых ученых. – Уфа: РИО БашГУ, 2005. – С. 262-266.
8. Spangler Donald R. Simon //Golding W. Lord of the flies. Edited by James R. Baker, Arthur P. Ziegler. (Casebook edition. Text, notes & criticism.). – New York, 1964. – P. 214.
9. Golding W. The Hot Gates and other occasional pieces / W. Golding. – Faber & Faber – London : Boston, 1965. – P. 15.
10. Golding W. A Moving Target / W. Golding. – London, 1982. – P. 92.
11. Kermode Frank. The Novels of William Golding / Frank Kermode // William Golding's *Lord of the Flies*: A Source Book. Ed. Nelson, William. – New York, 1963. – P. 109.
12. Ален У. Традиция и мечта / У. Ален. – М., 1970. – С. 215.
13. Попов Ю.И. Робинзонада XX века : автореф. ... дис. канд. филол. наук / Ю.И. Попов. – Киев, 1988. – С. 21-22.
14. Medcalf Stephen. William Golding / Stephen Medcalf. – Harlow, Essex, 1975. – P. 20.
15. Keating James. Interview with William Golding / James Keating // Golding W. Lord of the flies. Edited by James R. Baker, Arthur P. Ziegler. (Casebook edition. Text, notes & criticism.). – New York, 1964. – P. 194.
16. Golding W. The Hot Gates and other occasional pieces / W. Golding. – Faber & Faber – London ; Boston, 1965. – P. 105.

Шанина Ю.А.
Башкирский государственный педагогический
университет им. М. Акмуллы
Преподаватель кафедры литературы
e-mail: shanina@agnitot.ru

Shanina J.A.
Bashkiria State Pedagogical University.
Lecturer of the Department of Literature.